

ГРАНИТ

В отличие от столовой, «меню» солдатской библиотеки на редкость разнообразно. Строка за строкой записываются библиотечные формуляры Григория Аптекина и Ивана Шевченко. Солдаты читают много, и оттого в вечерние часы выходящая казарма очень похожа на студенческое общежитие — на столах, на подоконниках раскрыты книги и над ними — склоненные головы. И тут же, в коридоре, рядом с комнатой культуртрейтеров, — турник, на котором можно поразмыслить, если ноги затекли, а голова устала от чтения. В конце коридора, за турником, два раза в неделю «оборудуется» кинозал, а в остальные вечера здесь собираются музыканты часты и без долгих репетиций зают небольшие концерты для всех желающих. Сержант Лемко на немом пюпитре обходит гитарой, рядовой Уваров еще и бытность матросом рыбачьего флота в совершенстве овладел мантолиной, рядовой Донченко берет в рука гармонь, — и концерт начинается. Сначала поют хором то, что знают все, потом выступают солисты, дополняя и расширяя репертуар хора, затем демонстрирует свое умение обрестер.

— Вздых, приготовьтесь на вечернюю повестку! — кричит дежурный, и на этот концерт сбывается до следующего свободного вечера.

Недавно вернулся из отпуска сержант Филимонов. Он побывал в тех местах, откуда уходил в армию, — в совхозе имени Фрунзе в Киргизии. Два года назад, когда уезжал Филимонов, это было небольшое хозяйство, людям жалко тосковать.

— Ребята, что раньше меня служить уходили, — рассказывает сержант друзьям-однополчанам, — все в родное село вернулись, работают механизаторами, обзавелись мотоциклами, кое-кто и жениться успел...

— А что, теперь в деревне работа все-таки пошла, — подкакивает друг рядовой Воложенкин, недавний каменщик одного из новосибирских котловозов. — Ништ из дому по пять килограммов хлеба на трудные получили!

Завязывается любящий солдатский разговор — о письмах, о том, что делается дома, о «гражданке». И первый вопрос: куда идти после армии? Большинство склоняется к одному решению — учиться. Учиться заочно, потому что годы беззаботного юношеского существования прошли, — надо или свою семью кормить, или материю помогать. Здесь, в Армии, укрепляется постоянная тяга к знаниям.

И, конечно, тяга к труду, к большому почетному делу. Никакие трудности теперь уже, после солдатской закалки, не страшны. Прошлой осенью многие из увидевшихся в запас вошли в бригады работать в угольные шахты, отправившись на целину. Ништ письма друзьям, зовут к себе тех, кто кончает служить в этом году.

Сержант Горелов два года назад сам учился у лейтенанта Чегова «работать на клочке», ныне он помогает Чегову командовать взводом и обучать солдат. До окончания срока службы военному радисту II класса сержанту Горелову осталось немного.

— Учиться пойду, — мечтает вслух сержант, проверяя аппаратуру. Едва заметным движением руки он ловит московскую радиоперлачку, молча слушает голос диктора, читающего «Последние известия», затем повторяет глуше и тверже: — Учиться пойду. Конечно, если...

Сержант не договаривает, потому что смысл этого «если» понятен сегодня каждому. Леитчик Шевченко, учитель Рыпан, архитектор Аптекин, нефтяник Костев, шахтер Майоров приобретают сейчас вторую — военную — профессию вовсе не потому, что решили расстаться со своим любимым мирным делом, а именно на то случай, если... И спокойнее будет украшать города, учить детей, добывать нефть, если при запас у каждого из них будет полезная наука — наука побеждать.

Вот стоит один плечом к плечу в праздничном построении — сильные, умные, смелые. Их сегодняшняя девиз — «Гранит». Из таких гранитов сложена наша Армия.

Конечно, в этом, старом, к тому же незавершенном романе много следов чуждой нам философии, много неверных истолкований отношений между людьми и между народами. Автор ошибся и в счете времени: многое из его мечтаний сбылось не через две с половиной тысячи лет, а уже через столетие. Владимир Одовский не был революционным мыслителем и не мог предвидеть главного: что русские люди уже в начале следующего века направят свою жизнь по революционному пути, и то, о чем могли лишь мечтать лучшие умы прошлого, будет сбываться гораздо быстрее и совсем по-другому.

Но приятно думать, что уже давно в русской литературе жила мечта о дружбе двух великих народов мира, о дружбе нашей страны и Китая, что русскому писателю было близко сознание ее значения для мира на земле. И радостно видеть воочию, как видим мы сейчас, что наша советская действительность богаче, смелее самой смелой фантазии прошлого.

Однако, когда вспоминаешь те щедрые и добрые слова, какие говорили нам на съезде китайские писатели и переводы писатели других народов и других стран о том, как являются для них советская литература, какое значение имеет для них деятельность советских писателей, испытываешь не только радость и гордость за наш народ, за нашу страну, но и особенно остро ощущаешь, какая ответственность лежит на писателях, на деятелях советской культуры. Дружба народов, уже осуществленная в пределах Советских Социалистических Республик, крепнет и за рубежом: круг наших друзей становится шире, мы их увидели в романах Френшурга, в пьесах Симонова и Аруцова, в очерках Паделко и во многих других книгах.

Но главное даже не в том, чтобы увели-

ПОДВИГ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Пехота к рейстеру пошла напрямик в морозном тумане ватре. До самого здания прошел фронтовик, упал на бегу — в полумертве.

Еще не погибший, уже немой, одним лишь велемем долгов он вскинул под выстрелы штык ножевой с полотенцем алого шелка.

Он вскинул полотенце его назад, но как мы забудем об этом! — На каждом событии века лежит солдатского флага отсытки.

Неуважение к дорогим именам

С давних пор существует у нас обычай увековечивать знаменательные события в жизни страны, в жизни выдающихся людей, чьи имена дороги народу. Следуя этому обычаю, Союз советских писателей обратился в Московте с ходатайством присвоить имя В. Г. Короленко библиотеке № 66 Советского района столицы. Это произошло в те дни, когда народ отмечал столетие со дня рождения выдающегося русского писателя.

Прекрасная, казалась бы, инициатива. Однако это ходатайство было отправлено работниками Моссовета в архив «К сожаленью», — пишет в редакцию литератор А. Храбровицкий. — В Московском Совете годами не получают разрешения вопросы, связанные с увековечением памяти выдающихся деятелей.

В течение ряда лет Горьковская юношеская библиотека безуспешно хлопочет о присвоении ей имени В. В. Маяковского. В мастерских покрывались многолетней пылью мемориальные гранитные доски с именами декабристов, именами Беллинского, Маяковского, Чкалова.

До сих пор не выполнены правительственные решения об установке мемориальных досок в память И. Е. Репина, А. С. Серфимовича, В. В. Вересаева.

Редакция направила письмо тов. Храбровицкого в Моссовет и просила высказать свою точку зрения.

Любопытный ответ был получен от секретаря исполкома Моссовета тов. В. Родионова. В нем сообщалось, что исполком бы посоветовать ему возможным ходатайствовать о присвоении имени В. Г. Короленко библиотеке № 66 Советского района и имени В. В. Маяковского Горьковской юношеской библиотеке «ввиду отсутствия на то достаточных оснований». Что же касается установки мемориальных досок И. Е. Репина, А. С. Серфимовича и В. В. Вересаева, то исполком Моссовета это почетное дело не поручалось. Ибо, пишет тов. Родионов, «мемориальные доски устанавливаются по постановлению Совета Министров СССР или Совета Министров РСФСР».

Возможно, что тов. Родионов и не считает настоящим ходатайством общественности достаточным основанием для разрешения библиотекам носить имена В. Г. Короленко и В. В. Маяковского, что исполком бы посоветовать ему взглянуть в номера «Правды» от 5 августа 1944 года и 20 января 1949 года, а также в «Литературную газету» от 22 сентября 1945 года.

В этих номерах как раз и были опубликованы постановления правительства об увековечении памяти И. Е. Репина, А. С. Серфимовича и В. В. Вересаева, в том числе и об установке мемориальных досок в Москве.

ТАМБОВСКАЯ ЛЕКАРША

Заметка под таким заголовком была опубликована в «Литературной газете» 8 февраля 1955 года. Как сообщила редакция ведущая Тамбовским образовательно-мед. Головина, заметка обсуждена на заседании медицинского совета образовательно-мед. и признана правильной. Дому санитарного просвещения и всем специалистам, выступающим с лекциями перед населением, дано указание обратить серьезное внимание на борьбу со знахарством.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ТАМБОВСКАЯ ЛЕКАРША»

Заметка под таким заголовком была опубликована в «Литературной газете» 8 февраля 1955 года. Как сообщила редакция ведущая Тамбовским образовательно-мед. Головина, заметка обсуждена на заседании медицинского совета образовательно-мед. и признана правильной. Дому санитарного просвещения и всем специалистам, выступающим с лекциями перед населением, дано указание обратить серьезное внимание на борьбу со знахарством.

В БЕЛИЧЬЕМ КОЛЕСЕ

«...Беличье колесо» — это, конечно, не колесо, а беличье колесо. В круглую, как колесо, клетку такая белочка. Лишней свободы шустрый зверек не начал бы ревертировать лапками деревянные переключники. Все быстрее и быстрее вертелось колесо-клетка, а белочка скользила по нему.

Об этом не стоило бы и вспоминать, если бы не одна история. Мне уже приходилось писать в «Литературной газете» о беднейшей семидесятилетней вдовушке — инженерере Двалишвили. И вот перед белочью колесом, когда думаешь о всех далеко не забавных переключниках с этим предложением, Работники Главного управления нефтепереработки вместо практической реализации важного предложения передавали его комиссии в комиссию, несмотря на достаточную ясность вопроса, посылали к экспертам на экспертизу.

Представьтась, после выступления газеты выдавался, наконец, возможность признания ошибки, поправить дело. Нет, уж было ловко затушить беличье колесо, здорово крутится оно еще с 1938 года.

И вот опять перед нами папка с документами, служебные записки, протоколы различных заседаний, заключения. Снова мы говорим о кислое гудроне, бросаем пока что продукт, остающийся после переработки нефти и сжигаящем в себе до сорока процентов нужной для народного хозяйства серной кислоты. Снова приходится браться за перо, чтобы писать об инженерере Двалишвили и о предложенном им способе получения из кислого гудрона стопроцентного сернистого газа.

Годами вертится беличье колесо, голыми досками трещит бумага и скрипит перья. Это в Главном управлении нефтепереработки пишут ответы на все учреждения, которые в течение последних лет запрашивали о судьбе изобретения Двалишвили. Нужно написать в Академию наук СССР, президент которой академик А. Н. Несмеянов в свое время одобрял изобретение. Нужно написать Двалишвили, следует направить ответ и в другие высокие инстанции. Каждый из этих ответов в отдельности, может быть, и составляет некоторое впечатление объективности и разумного отношения к делу. Но, собранные все вместе, они свидетельствуют только об одном: о желании во что бы то ни стало и любыми способами отделаться от предложения Двалишвили.

А изобретатель тем временем ходил по инстанциям, возмущаясь, доказывая. Ведь он знал, что кислый гудрон сбрасывают в овраги, в реки, закапывают в землю, жгут в печах. Впустую пропадают серная кислота, нефть, углеводороды. Не может с этим мириться советский инженер-технолог. Но вертится, вертится колесо. И вот конец 1954 года — новая комиссия.

На этот раз, однако, не соблюдала даже видимость объективности. Просьба инженера Двалишвили, чтобы в комиссию были включены член-корреспондент Академии наук СССР М. Капелюшников и проф. Б. Лосев, знакомые с его работой, отклонена. Особое мнение члена комиссии кандидата технических наук В. Глушнев (он настаивал на строительстве опытной заводской установки) не принято во внимание. Любопытно, что автор предложения — инженер Двалишвили — не допускали на заседания. Вызвали однажды, задали парочку вопросов — и все. Когда все же он попытался сказать что-то в защиту своего метода, то председатель комиссии проф. Н. Чернушков (член технического совета министерства) сказал ему барство:

— Оставьте нас, товарищ Двалишвили. Мы разберемся, голубчик, как-нибудь сами... Проф. Чернушков, и правда, не новичок в деле Двалишвили. В качестве «беспристрастного эксперта» он уже один раз ласковой бархатной рукой завернул прочь предложение Двалишвили. Комиссия в декабре 1954 года фиксирует: «...нецелесообразно строительство новой опытной установки...». Предложение тов. Двалишвили является новшеством... Представленный экспериментальный материал вполне достаточен для проектирования опытно-промышленной установки».

Беличье колесо совершило свой очередной круг...

Инженер Двалишвили, человек, который двадцать лет гоним изобретением, послал письмо на имя министра нефтяной промышленности СССР тов. Н. К. Байбакова. Просил принять его и выслушать. Но просьба эта пока что не удовлетворена.

А уж кому, как не министру, защитить автора и изобретателя. За ним, за министром, ведь последнее слово в борьбе между изобретателем и рутинерами. Следует сказать это слово. Следует остановить беличье колесо.

В. КУРОЧКИН

ЖИВАЯ СВЯЗЬ С НАРОДОМ

Вера СМЕРНОВА

«...Когда с трибуны Второго съезда советских писателей наши дорогие члены, члены китайской делегации, говорили о культурных связях Советской страны и народного Китая, о значении советской литературы для работы современных китайских писателей, мне вдруг невероятно вспомнились фантастический роман, написанный более ста лет назад русским писателем, имя которого, может быть, даже не известно нашим китайским товарищам.

Это Владимир Одовский, друг Пушкина и Глинки, музыкант, философ и сказочник, сочинивший для детей прекрасную сказку «Городок в табакерке», один из крупнейших русских писателей своего времени, общественный деятель, автор множества самых разнообразных начинаний — от издания книг для народа до организации Общества страхования жизни.

«Смеются надо мною, что я всегда записывал, писал он в своей «записной книжке» — Вы не знаете, господа, сколько дела на нем светит... У народа нет книг, — у нас нет своей музыки, своей архитектуры: мелница в целой Европе еще в детстве; — наши народные сказания терзаются; древние открытия забываются; надобно звенеть вперед науку; надобно выкапывать из-под праха веков ее сокровища... Вот сколько дела!... С гордостью он говорит о себе: «И первый наложил руку на схоластицизм и классицизм, выговорив значение России и миру... много изданий пошло о моей подпорке!»

Кстати, Одовскому принадлежит замечательное изречение, которое следует помнить каждому литератору: «Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови».

Роман Одовского называется «4338 год», или «Петербургские письма» — эпистолярная форма была очень распространена в литературе того времени. Роман

ЖИВАЯ СВЯЗЬ С НАРОДОМ

Конечно, в этом, старом, к тому же незавершенном романе много следов чуждой нам философии, много неверных истолкований отношений между людьми и между народами. Автор ошибся и в счете времени: многое из его мечтаний сбылось не через две с половиной тысячи лет, а уже через столетие. Владимир Одовский не был революционным мыслителем и не мог предвидеть главного: что русские люди уже в начале следующего века направят свою жизнь по революционному пути, и то, о чем могли лишь мечтать лучшие умы прошлого, будет сбываться гораздо быстрее и совсем по-другому.

Но приятно думать, что уже давно в русской литературе жила мечта о дружбе двух великих народов мира, о дружбе нашей страны и Китая, что русскому писателю было близко сознание ее значения для мира на земле. И радостно видеть воочию, как видим мы сейчас, что наша советская действительность богаче, смелее самой смелой фантазии прошлого.

Однако, когда вспоминаешь те щедрые и добрые слова, какие говорили нам на съезде китайские писатели и переводы писатели других народов и других стран о том, как являются для них советская литература, какое значение имеет для них деятельность советских писателей, испытываешь не только радость и гордость за наш народ, за нашу страну, но и особенно остро ощущаешь, какая ответственность лежит на писателях, на деятелях советской культуры. Дружба народов, уже осуществленная в пределах Советских Социалистических Республик, крепнет и за рубежом: круг наших друзей становится шире, мы их увидели в романах Френшурга, в пьесах Симонова и Аруцова, в очерках Паделко и во многих других книгах.

Но главное даже не в том, чтобы увели-

ЖИВАЯ СВЯЗЬ С НАРОДОМ

Вера СМЕРНОВА

«...Когда с трибуны Второго съезда советских писателей наши дорогие члены, члены китайской делегации, говорили о культурных связях Советской страны и народного Китая, о значении советской литературы для работы современных китайских писателей, мне вдруг невероятно вспомнились фантастический роман, написанный более ста лет назад русским писателем, имя которого, может быть, даже не известно нашим китайским товарищам.

Это Владимир Одовский, друг Пушкина и Глинки, музыкант, философ и сказочник, сочинивший для детей прекрасную сказку «Городок в табакерке», один из крупнейших русских писателей своего времени, общественный деятель, автор множества самых разнообразных начинаний — от издания книг для народа до организации Общества страхования жизни.

«Смеются надо мною, что я всегда записывал, писал он в своей «записной книжке» — Вы не знаете, господа, сколько дела на нем светит... У народа нет книг, — у нас нет своей музыки, своей архитектуры: мелница в целой Европе еще в детстве; — наши народные сказания терзаются; древние открытия забываются; надобно звенеть вперед науку; надобно выкапывать из-под праха веков ее сокровища... Вот сколько дела!... С гордостью он говорит о себе: «И первый наложил руку на схоластицизм и классицизм, выговорив значение России и миру... много изданий пошло о моей подпорке!»

Кстати, Одовскому принадлежит замечательное изречение, которое следует помнить каждому литератору: «Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови».

Роман Одовского называется «4338 год», или «Петербургские письма» — эпистолярная форма была очень распространена в литературе того времени. Роман

«...Когда с трибуны Второго съезда советских писателей наши дорогие члены, члены китайской делегации, говорили о культурных связях Советской страны и народного Китая, о значении советской литературы для работы современных китайских писателей, мне вдруг невероятно вспомнились фантастический роман, написанный более ста лет назад русским писателем, имя которого, может быть, даже не известно нашим китайским товарищам.

Это Владимир Одовский, друг Пушкина и Глинки, музыкант, философ и сказочник, сочинивший для детей прекрасную сказку «Городок в табакерке», один из крупнейших русских писателей своего времени, общественный деятель, автор множества самых разнообразных начинаний — от издания книг для народа до организации Общества страхования жизни.

«Смеются надо мною, что я всегда записывал, писал он в своей «записной книжке» — Вы не знаете, господа, сколько дела на нем светит... У народа нет книг, — у нас нет своей музыки, своей архитектуры: мелница в целой Европе еще в детстве; — наши народные сказания терзаются; древние открытия забываются; надобно звенеть вперед науку; надобно выкапывать из-под праха веков ее сокровища... Вот сколько дела!... С гордостью он говорит о себе: «И первый наложил руку на схоластицизм и классицизм, выговорив значение России и миру... много изданий пошло о моей подпорке!»

Кстати, Одовскому принадлежит замечательное изречение, которое следует помнить каждому литератору: «Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови».

Роман Одовского называется «4338 год», или «Петербургские письма» — эпистолярная форма была очень распространена в литературе того времени. Роман

